

Формула всего

Новое
Литературное
Обозрение

Часть первая.
У ЦЫГАНСКОГО ШАТРА

Глава первая

Джиипэн о дром прочувэна, а ту джя.*

Мерно покачиваясь, крытый урдэн** пересекал Городецкую степь. Дорога была широкой и пыльной. В траве по обочинам стрекотали кузнечики. Иногда раздавался крик куропатки. Больше не было ничего.

Полуденное солнышко припекало. Ветер уснул. Облака зависли над степью неподвижные, словно острова. Лошади плелись еле-еле.

Перебросив поводья из правой руки в левую, Муша Христофоров стянул с головы черную шляпу и помахал ею перед собой, разгоня застывший томящийся воздух.

— Ох, дело, — произнес он как будто с недоумением, а потом широко зевнул, обнажив золотые зубы. — Клянись конями! От такой жары мозги наши скоро размякнут, как коровий навоз! Держи!

С этими словами старик протянул шляпу младшему внуку, который сидел рядом с ним в урдэне и так осоловел от жары, что заметил жест деда лишь после того, как тот окликнул его по имени:

— Буртя! Не спи!

Бурте было лет шесть или семь. Он сам не знал точно. Муша утверждал, что Буртя родился в год, когда

* Жизнь дорогу торит, а ты иди. (Здесь и далее народные цыганские пословицы и поговорки русских цыган даны по книге И. М. Андрониковой «Язык цыганский весь в загадках».)

** Урдэн — цыганская повозка.

умерла старая Парадайца, а бабушка Бина, ныне тоже покойная, говорила, что Буртя родился позже — когда женился их старший внук Драго. Оба сходились только в одном: «Лист пожелтел, и он свет увидел. Осеннее золотце! Царевич наш! Жеребеночек!» Вот как они его называли!

«Царевич» ехал в одних портках, заплатах и грязных, но в правом ухе у него качалась самая настоящая золотая сережка, а за левое ухо он заткнул одуванчик, ослепительно-желтый. Черные волосы падали до плеч, и сразу было ясно, что с расческой они никогда не дружили.

Буртя важно взял шляпу, помахал ею, как дед, точно так же зевнул и вернул шляпу Муше.

— Я говорю — мозги размякнут, туда-сюда, — повторил старый цыган.

Буртя правильно понял деда. Он пошарил позади себя в поклаже, занавешенной цветным пологом из ситца, достал зеленую, наполовину опорожненную бутылку и зубами вытащил из нее пробку.

— Держи, Муша.

Старик натянул почерневшие от длительного использования поводья и, смакуя, приложился губами к горлышку. Вердикт его был унылым: «Нагрелась, курва», однако это не помешало ему сделать еще пару глотков.

— Прекрасный день! — подытожил Муша и вытер усы, блаженно улыбаясь. Он любил (и привык!) быть всегда чуть-чуть под хмельком и даже придумал этой своей весьма прозаичной слабости поэтичное

оправдание: «Цветы тоже поливают, чтоб они не завяли!»

Буртя уже хотел вернуть пробку на место, но дед неожиданно остановил внука:

— Попробуй ты.

— Зачем?

— Не вырастешь.

Буртя испугался. Напустив важный вид, цыганенок отхлебнул сколько смог за раз. Солнце почернело! Буртя испуганно вытаращил глаза и едва удержался, чтоб не выплюнуть брагу обратно.

— Ну? — спросил Муша внука.

Тот все еще морщился, держась рукою за горло, и ответил не сразу:

— Знатное вино! Пусть глаза мои вылезут, если я пил лучше!

— Ты другого не пил. Зачем врешь старику?

Буртя виновато опустил глаза.

— Ладно. Покурим? — Муша насыпал махорку в трубку, и Буртя, которого сызмальства никто и ничему не учил, глядя на деда, понял, что тот наконец-то решил взяться за его воспитание.

Старик Христофоров глубоко затянулся и передал трубку внуку. Буртя набрал полный рот дыма и почти сразу же сорвался в кашель. На глаза навернулись слезы.

Муша смотрел на него сверху вниз, не скрывая удовольствия:

— Что скажешь, царевич?

— Знатный... кх-кх... у тебя табачок. Где ты взял такой?

— Достойный ответ! Ты настоящий сын своего отца! — похвалил Муша. — Твой отец родился с трубкой в зубах!

Буртя удивленно разинул рот, а Муша продолжал:

— И никогда с ней не расставался! Он и сейчас, наверное, курит — там, — старик многозначительно показал пальцем в небо. — Повез я его провожать и говорю: «Ну что, сынок, молчишь? Где твоя трубка?» А трубку я спрятал — сам у себя. Едем, значит, дальше, а он молчит. Я свое гну: «Как же ты без трубки? Честному цыгану это все равно что королю без короны — и в рай не пустят! Скажут: «Шарлатан! Ты ли Брэтиано Христофоров?! Нас не проведешь! Покажи свою трубку, а то мы не верим!», туда-сюда. А дальше вот что. Мужики гроб подняли, а я говорю: «Стойте, чавалэ*!» Вернул ему трубку, как то положено, чтобы ни в чем он в раю не нуждался, потому что хороший он был цыган — твой отец! Мягкой ему земельки да легкого лежанья! Пусть бережет он нас на каждом шагу!

Старик замолчал, а Буртя задумался, пытаясь представить себе отца, которого не видел ни разу в жизни. Брэтиано умер молодым и здоровым. Жена ненадолго пережила мужа. Кто-то сглазил их обоих смертельной силой. За что? — этого Буртя не знал, да, собственно, и не думал, а дед никогда не поднимал эту тему.

* Друзья.

В этот момент цветной полог откинулся, и оттуда показалась заспанная мордочка Какаранджеса — третьего участника поездки.

— Почему остановились? — спросил Какаранджес.

— Перекур, — серьезно ответил Буртя.

— Ну тогда я еще посплю, — Какаранджес задернул полог и откинулся назад на подушки, где после бессонной ночи рядом с ним отсыпался старший сын Бретиано и старший внук Муши — Драго Христофоров.

Буртя с минуту глядел на деда: как благодушно он курит трубку, какие широкие у него ладони, какой лучистый и мудрый взгляд...

— Муша, а правда, что ты лошадям умеешь приказывать одним только взглядом, и они его слушают лучше кнута?

— Клянусь своей бородой! Чтобы небо мне на голову упало, если я вру!

— А как ты это делаешь?

— Сейчас покажу. Вон на этом, — старый цыган указал вперед, и Буртя увидел, что им навстречу несется запряженный соловой мастью двухколесный возок. Скоро уже можно было рассмотреть расписные узоры у него на бортах. Крестьяне в таких не ездят. «Купчик или приказчик», — подумал Муша.

Раскрашенный возок быстро приближался. Правил им и точно приказчик из Мырвича — курносый, румяный и гладкий, как чайник. Вез он перины. Небрежно увязанные, на крупных ухабах они приподымались,

словно девичьи груди от глубокого вздоха. Приказчик торопился и задал лошадке хороший темп.

Старик Христофоров прикрыл глаза и едва заметно шевелил губами.

Стремительный возок поравнялся с урдэном. Поскольку дорога позволяла разъехаться без взаимных уступок, приказчик не удостоил цыган и взглядом.

Муша продолжал бормотать, а Буртя, как ни напрягал слух, не мог разобрать ни слова. Зато лошадь услышала! Протащив возок шагов за полста вперед по дороге, она заржала и встала так резко, словно на нее набросили аркан. Приказчик не понял, что произошло.

— Но-о! — гикнул он. — Давай! Пошла!

Лошадь не двигалась.

Хозяин пустил в дело кнут — без толку. Соловая по-прежнему упиралась.

Приказчик раздраженно оставил козлы, обошел лошадь слева и попытался ухватить ее под уздцы, но та злобно щелкнула зубами, едва не оттяпав хозяину пальцы. Приказчик отпрыгнул и растерянно оглянулся.

Муша наблюдал за его действиями с самой благодушной физиономией в мире.

Приказчик чертыхнулся, погрозил лошади кулаком и энергичной походкой направился к урдэну.

— Эй, цыган! Не скажешь, что с моей клячей? Как взбесилась, ей-богу! Чуть не укусила! А всегда была смирная! Ничего не понимаю. Может, ты понимаешь? Я заплачу!

— Мне от тебя денег не надо, — внушительно сказал Муша. — Я так посмотрю.

Он спустился с урдэна и направился к «взбесившейся» лошади. Соловая стригла ушами и беспокойно переступала на месте. «Что же он сделает?» — размышлял приказчик, но ход его мыслей прервался просьбой:

— Дядя, дай грошик.

Буртя просил без заискиванья, по-деловому, словно этот «дядя» был ему должен.

Выбранный тон показался приказчику несколько странным. Он привык, что нищие давят на жалость и умаляются, но цыганенок не видел в попрошайничестве ничего постыдного — он относился к нему как к ремеслу. Это был его скромный вклад в копилку семьи.

— Держи, — приказчик, не сводя глаз с Муши, который уже совершенно по-дружески гладил лошади спутанную гриву, рассеянно полез в карман за медяшкой.

Буртя быстро спрятал полученную монету, но полез к «дяде» снова:

— А хотите — я на пузе станцую?!

Неизвестно, что ответил бы ему приказчик на этот раз, только в тот же момент старый Муша повернулся и, с сожалением покачав головой, объявил свой диагноз:

— Тяжело ей, добрый человек! Перегрузил ты ее. Устала!

— Да у меня тут одно тряпье! — приказчик в недоумении кивнул на перины.

— Как знать, как знать... Может, черт тебе в тряпки чего засунул, ты сам не знаешь, а лошадь чувствует — вот и не везет.

— Про чертей ты внукам рассказывай!

Муша развел руками:

— Я что знал, то сказал, милый человек.

— Полно, цыган! Не обижайся! Тороплюсь... Видит Бог, как поспеть мне надо! К вечеру, в Дубно. Выручай! Скажи, что ты хочешь?

— Ничего не хочу. Разве выпить бы малость за то, чтобы лошади твоей полегчало!

— Это можно, — приказчик мгновенно достал из-под сиденья полуштоф с вином и протянул старику. Тот принял подарок и поднял тост:

— Чтобы все у тебя было хорошо! Счастья, здоровья... До ста лет тебе жить и беды не знать! Вот как я сказал! Чтоб нечистый, глухи наши уши, в твои дела не лез! Ну-ка сядь-ка теперь: авось да поедешь!

Приказчик вскочил на возок, крикнул «Но!», и лошадь как ни в чем не бывало пошла вперед.

— Всего тебе дорогого-золотого! — крикнул вслед ему Муша.

— Спасибо, старик, — донеслось с возка.

— Как ты это делаешь?! — воскликнул Буртя.

— Бог дал! Спасибо ему. Это такой секрет, туда-сюда, которому не научишь. Ты сам возьмешь, если сможешь взять. То, что понимается, то не говорится, — таинственно ответил старый цыган.

Они влезли на урдэн и тронулись в дорогу.